

РЕЦЕНЗИИ

К.В.Першина

А.Ф.Михина

РЕЦЕНЗИЯ

ЛЮДВИГ СЕЛИМСКИ. ЕТЮДИ ПО БЪЛГАРСКА АНТРОПОНИМИЯ, ЛИЧНИ ИМЕНА. – УНИВЕРСИТЕТСКО ИЗДАТЕЛСТВО “СВ.СВ.КИРИЛ И МЕТОДИЙ”. ВЕЛИКО ТЪРНОВО, 2006. -246 с.

Антропонимикон является традиционным объектом исследования в болгарской ономастике. Активно и разносторонне изучаются личные имена, фамилии, прозвища и другие разряды проприального именованя людей. В ряду ученых, внесших значительный вклад в развитие болгарской атропонимики, важное место занимает славист широкого профиля проф. Людвиг Селимски. Он является автором многих статей, посвященных различным аспектам анализа личных имен болгар, а также монографии «Христианские имена у болгарских католиков. Проблемы их усвоения» (1999), получившей высокую оценку на родине и за рубежом.

В рецензируемом сборнике собраны 22 работы, написанные на болгарском, польском, словацком и русском языках; одни из них создавались как статьи, другие – как доклады на различных конференциях, симпозиумах, семинарах. Сам автор определяет жанр этих работ как антропонимические этюды. Все они были опубликованы в разное время в научных изданиях Болгарии, Польши и Словакии.

Раздел первый «Лични имена / Imiona chrzestne» включает 4 этюда; основное внимание в них сосредоточено на хронологически-этимологической стратификации современного болгарского именника и тенденциях его развития. Исходный пункт данной стратификации состоит в делении всего именника на две части – имена славянского происхождения и имена неславянского происхождения. В работе «Лични имена» рассматриваются онимы первой из этих групп. Автор считает, что личные имена славянского происхождения, которыми пользуются болгары, распадаются на три подгруппы: а) унаследованные от праславянской эпохи; б) заимствованные из других славянских языков; в) созданные по образцу. Комментируя состав первой подгруппы имен, Л. Селимски отмечает, что самыми ранними по образованию в ней являются сложные двусосновные имена (*Владимир, Владислав(а), Драгомир(а), Радослав(а), Светослав, Станимир(а), Станислав(а)* и др.). Определяя круг личных имен, заимствованных из других славянских языков, автор опирается на первую фиксацию в письменных источниках: *Бронислав(1953), Бронислава(1945), Веслав(1956), Веслава(1963), Людмила(1895), Ростислав(1950), Томислав(1929)*. Аналогично определяется состав и третьей подгруппы личных имен.

Избранный принцип стратификации славянской части болгарского именника, ориентированный на временную перспективу ее развития, наполнение каждого из трех временных слоев конкретными именами является закономерным результатом включения исследователем болгарских личных имен в общеславянский антропонимный континуум, сложившийся еще в дохристианскую

эпоху и до настоящего времени сохраняющий свою номинационную активность. Следует отметить, что подобная классификационная схема может быть применена для анализа славянской части именника любого славянского народа, в том числе именника белорусов, русских и украинцев. Кроме того, она может быть использована в качестве основы типологического сопоставления указанного круга личных имен.

В работе «Imiona chrzestne bulgarów. Warstwy chronologiczno-etymologiczne i tendencje rozwojowe» описанный принцип стратификации распространяется уже на весь именник, в результате чего выделяются следующие слои личных имен.

1. Тракийско-дакско-мизийские имена (с указанием автора, что известно об этом слое имен мало); к нему присоединяются балкано-латинские *Bizo, Zipo, Sьlo, Vьto*.

2. Протоболгарские имена: *Sevar, Alteimir, Zvenica., Telerig, Tervel, Asparuch, Krum*.

3. Греческие, еврейские и латинские имена, вошедшие в болгарский язык через византийское посредничество из литературных источников еще в IX ст.: *Vargvara, Irina, Jozef* и др.

4. Имена, заимствованные из языков, входящих в состав балканского языкового союза, – новогреческого, румынского, албанского; к этой же группе причисляются и турецкие заимствования.

5. Католические имена. Этот слой имен квалифицируется как результат взаимодействия болгарского языка с западнославянскими языками, а также хорватским и словенским языками.

4. Имена болгар-мусульман (помаков) и этнических турок.

5. Поздние заимствования (XIX – XX вв.) из славянских языков – сербского, чешского, словацкого, польского, русского и украинского.

6. Имена болгарских армян и евреев.

7. Позднейшие заимствования из языков Европы и Америки как результат литературно-культурного контактирования в XX в.

Основную цель данного исследования Л. Селимски определяет следующим образом: “Probowałem przedstawić bułgarskie imiennictwo osobowe jako owoc współpracy językowej Bułgarów z wieloma innymi narodami”[с.19]. И действительно, выстроенная классификация наглядно свидетельствует о разнообразии путей и источников пополнения именника болгар. Рубрикация выделяемых стратов показывает, что автор в ряде случаев выходит за рамки хронологически-этимологического принципа. Проявляется это прежде всего в выделении отдельного слоя католических имен, объединяемых по конфессиональному признаку; в эту же сторону смещены классификационные акценты и при выделении имен помаков – по логике выстраивания классификации здесь должно было появиться указание на языковую

принадлежность имен. Похожее замечание вызывает и подача отдельной группой имен болгарских евреев и армян.

Пристальный взгляд ученого, признанного специалиста не только в области ономастики, но и в области этимологии, а также славянской дериватологии, выявляет в столкновении именников различных этносов рождение новых формально-структурных средств для создания в рамках болгарского именника новых форм личных имен. Ср. тонкие наблюдения, касающиеся наделения статусом (функцией) словообразовательного форманта иноязычных финалий: *Рада – Радета, Радиа-на, Радиона, Радиола*, а также удвоения согласных, которое не свойственно болгарской фонетике: *Стояна – Стоянна*.

Следующая работа «Zmiany w imiennictwie osobowym Bułgarów w okresie powojennym» посвящена анализу тенденций развития именника болгар во второй половине XX ст. В ней ярко проявляется одна из важнейших черт исследовательской манеры Л. Селимски – предельно внимательное изучение номинационного антропонимного дискурса с целью выявления разнообразных социальных и культурных факторов, влияющих на процессы имянаращения в их динамике. В этой динамике ученого интересует прежде всего взаимодействие нового со старым, конкретные пути развития традиции, формы реализации инновационных преобразований не только в сфере частотности, но и на структурно-словообразовательном уровне. Показательным примером подобного рода анализа является описание механизма сохранения традиции имянаращения в честь бабушек и дедушек в условиях малодетной семьи, когда новое личное имя создается по образцу композита на базе двух личных имен: *Блага, Цвета* (имена бабушек) – *Благоцвета* (имя внучки). Подобный анализ может дать убедительные и достоверные результаты только при условии глубокого погружения исследователя в антропонимный дискурс – современный и прошлый. Это достигается кропотливой и тщательно продуманной работой с большим количеством информантов и обширным корпусом письменных источников самых разнообразных жанров. Данное и другие исследования Л. Селимски полностью отвечают этому требованию.

Существование в имянаращении традиционных и новых подходов, стремление носителей языка объединить разные номинационные стратегии неизбежно порождает в именнике сдвиги структурно-словообразовательного плана. Глубокий анализ взаимодействия экстра- и интралингвальных факторов в именнике болгар имеет место в работе «Kontaminacja a kompozycja i derywacja (Na przykładach imion chrzestnych Bułgarów)». Объектом рассмотрения в ней выступают личные имена, воспринимаемые на синхронном уровне как композиты. Подвергнув эти имена диахроничес-

кому словообразовательному анализу, Л. Селимски приходит к выводу, что только часть этих единиц может считаться результатом композиции (т.е. сложения основ имен). К ним относятся такие имена, как *Богдан, Владислав, Драгомъж, Драгшан, Мирослава, Пленимир, Радомир, Беривой, Богомил*. Эти имена в настоящее время в ходе имянаречения не создаются, а воспроизводятся, выбираются из готового набора. Вторую часть данного типа имен составляют: а) двусловные имена, второй компонент которых имеет суффиксоидный характер, – это прежде всего имена на *-слав, -зар, -мир*; б) имена-контаминанты, которые создаются (а не воспроизводятся) путем сознательной контаминации двух простых имен начиная с 50-х-60-х годов XX ст. Вполне очевидно, что и в данной работе ученый осуществляет конкретный анализ, исходя из того, что синхрония – это один из моментов развития, в котором фокусируются различные и разновременные явления.

В своей совокупности работы, представленные в первом разделе сборника, достаточно четко репрезентируют и методологический арсенал, и методику исследования именника.

В статьях второго раздела сборника «Личные имена на фоне нацията/народности и вярата», внимание акцентируется прежде всего на заимствовании личных имен болгарскими из именников других народов и на тех процессах внутри именника болгар, которые порождаются этими заимствованиями. Анализируя конкретные обстоятельства заимствований, автор рассматривает личное имя в его соотносительности с конфессиональной и этнокультурной средой. Несколько этюдов посвящены румынскому элементу в именнике болгар, до настоящего времени остающемуся, по мнению Л. Селимски, недостаточно изученным в болгарской антропонимике. Его внимание сосредоточено на морфемной структуре имен, в частности на суффиксах. Проф. Селимски полемизирует с теми исследователями, которые утверждают, что личные имена с формантами *-ел, -ик, -ика, -ук, -ука* (*Бадел, Иванел, Кънчел, Радел, Радука, Василика, Марицика, Петрика, Добрик, Петрик*) возникли на болгарской языковой почве. Он считает, что такие суффиксальные формы имен создавались в рамках румынского языка в среде двуязычных валахов, проживающих в Болгарии. Данная точка зрения серьезно и убедительно аргументируется: 1) деминутивные суффиксы *-ел, -ик, -ика, -ук, -ука* латинского происхождения, они не характерны для болгарского языка; 2) для большей части таких личных имен имеются точные соответствия в румынской антропонимии; 3) в болгарском именнике эти имена обладают незначительной и скорее убывающей, чем нарастающей частотностью; 4) большая часть данных личных имен встречается в северной и особенно северо-западной части страны, где проживают валахи. Конкретные

имена анализируются по всем этим параметрам. Ср.: «ЖИ (женское имя) *Флорика*, объясняемое некоторыми болгарскими учеными как возникшее на болгарской почве [имеются в виду Ст. Илчев и Н. Ковачев – К.П.] “от Флора + -ика”, на самом деле заимствовано в готовом виде от рум. *Florica*, образованного как *Viorica* при помощи романского суффикса *-ica* (в основе имени *Vioara* произошла замена латинского интервокального *l* румынским)» [с.78]. Л.Селимски, применяя разработанную им комплексную методику, детально проанализировал, из чего состоит румынский элемент болгарской антропонимии, какими особенностями обладает, и тем самым заложил серьезный фундамент для дальнейшего изучения румынско-болгарской интерференции.

Две работы посвящены русскому компоненту в именнике болгар – «*Element rosyjski w imiennictwie osobowym Bułgarów*» и «*Element sowiecki w imiennictwie osobowym Bułgarów*». Определяются два основных пути проникновения русских антропонимных единиц: 1) вместе с их носителями, которые оказывались в разное время в Болгарии; 2) через культурное взаимодействие, в частности путем заимствования имен из произведений русской литературы. Первый путь связан с разными волнами эмиграции из России (староверческая, белогвардейская), историческими пересечениями судеб народов (русско-турецкая война 1877-1878 гг., смешанные браки в годы экономического и политического взаимодействия Болгарии с Советским Союзом в середине XX в.). Взаимодействие языков не ограничивается только личными именами, в болгарский антропонимикон оказались включенными и русские фамилии – вследствие создания смешанных семей: *Белоусов, Гетманов, Краснов, Квартирников, Литвинов, Морозов, Обухов, Плетнев, Плотников, Проценков, Тарановский, Швецов, Злобин, Переходов, Горшков, Лучников, Сыромятников* и др.(с.49). Объяснение наличия таких фамилий самими их современными носителями, считающими себя этническими болгарскими, сводится к следующему: “дед был русским; отец – эмигрант из России; очевидно, отец остался в Болгарии после освободительной войны”.

Через носителей русского языка входили в болгарское имятворчество суффиксы субъективной оценки, не характерные для болгарского языка. Они осваивались в ходе накопления содержащих их форм личных имен. Таковыми являются суффиксы *-енк(а), -очк(а), -ушк(а), -и(а)*. Аналогичным образом осваивались и типичные для русского языка финалы личных имен. Ср.: *Машенка, Леночка, Илюша; Ася, Дуся, Коля, Юра* [с.51].

Тесные культурные связи Болгарии с Россией являются мощным фактором, способствовавшим пополнению болгарского именника антропонимикона в целом многочисленными русизмами.

Легкое проникновение русских элементов во многом обусловлено, по мнению Л. Селимски, значительным влиянием русского литературного языка на развитие болгарского литературного языка от его зарождения и до настоящего времени.

В социалистический период русские заимствования носят характер советизмов. Советский элемент состоит в следующем: 1) появляются новые личные имена, образованные на базе фамилий, псевдонимов, личных имен, носителями которых являются известные партийные и государственные деятели Советского Союза – *Ленин, Дзержин, Сталин, Троцкий, Калинин, Микоян, Молот, Громико*; герои войн – *Чапай, Фрунзе, Толбухин, Тимошенко*; летчики, конструкторы, ученые, герои труда – *Ливаневски, Илюшин, Мичурин, Стахан*; 2) как советизмы используются в имятворчестве проприальные именованья известных деятелей международного коммунистического движения – *Энгельс, Клемент (Клемент Готвальд), Либкнехт, Телман, Толиати, Долорес, Пасионария, Клароза (Клара Цеткин, Роза Люксембург)* и др. По аналогии с ними были созданы имена *Марек* (псевдоним Станке Димитрова), *Живко* (от фамилии Тодора Живкова); 3) входят в антропонимный обиход русские гипокористики *Вася, Коля, Митя, Саша* и др., вытесняющие в городах традиционные болгарские формы *Кольо, Митьо, Мито, Сашо* и др.; 4) повышается частотность употребления известных болгарской традиции имен под влиянием их референтной закреплённости в русском языке, прежде всего имен *Олег* и *Зоя*: имядатели ориентируются на имена Олега Кошевого, одного из руководителей подпольной молодежной антифашистской организации «Молодая гвардия», действовавшей в годы Великой Отечественной войны в г.Краснодоне Луганской области, и Зои Космодемьянской, члена разведывательно-диверсионной группы, действовавшей в первые месяцы войны под Москвой; оба зверски замучены фашистами. Проф. Селимски причисляет к советизмам ряд имен, которые традиционно считаются в болгарской антропонимике возникшими на болгарской почве: *Жора, Ждан, Павлик* и нек. др.

Одной из важных черт лингвистического мышления Л. Селимски является способность выделять новую проблему или новые грани уже выделенной проблемы, анализируя факты в русле усложняющихся, ставших привычными исследовательских канонов и классификационных рубрик. Один из примеров подобного рода – анализ содержания термина “христианское имя” (статья «Из христианские имена у българите»). Подход к толкованию термина обнаруживает стремление охватить по возможности весь временной отрезок существования данных единиц в именнике болгар. Это приводит ученого к следующей интерпретации: к христианским именам относятся: 1) имена раннехристианских святых – великомучеников,

мучеников и их последователей; 2) имена персонажей Ветхого и Нового Заветов, о которых упоминается в литургических текстах и которых упоминания в церковных календарях; 3) имена, образованные от библейских имен и названий (*Йордан, Йорданка* и под.); 4) имена, связанные с теми или иными понятиями и представлениями христианской церкви. По сути, такая интерпретация представляет собой процессуально-динамическую модель описания содержания термина; каждая из ее частей проецируется на соответствующий временной отрезок существования самого христианского мировоззрения. Детально хронологизируя факты, проф. Селимски наглядно показывает, что христианские имена входили в именник болгар в разное время и разными путями, имели неодинаковые причины распространения. Так, одна их часть входила в процессе христианизации непосредственно из греческого источника в византийском произношении; другая – в процессе вторичной евангелизации (к. XVI – 1-ая пол. XVII в.) павликан и богомилов, потомками которых являются сегодняшние болгарские католики; эти имена входили в болгарский язык в латинизированном фонетическом облике и выступали во многих случаях как этимологические дублеты к ранним заимствованиям. Еще одна часть общего массива имен начинает формироваться с XIX в. и уже не имеет (в рамках Болгарии) непосредственного отношения к вероисповеданию. Составляющие ее единицы заимствуются у других народов европейского христианского мира как имена любимых героев литературных произведений, выдающихся людей или как звучные, эстетически значимые, модные. Эти имена входят в именник болгар в западноевропейском фонетическом облике – французском, немецком, позже – английском и создают еще один слой этимологических дублетов.

Тщательный анализ каждого отдельного личного имени заставляет автора отнести к христианским такие, например, формы, как *Ага, Агоша, Агуша (Агата); Бибяна, Бибяна (лат. Bibiana)* и др.

Отдельным объектом анализа выступают католические личные имена – им посвящено 8 работ, помещенных в данном сборнике. В своей совокупности они представляют широкую панораму разнопланового и разнонаправленного взаимодействия византийско-православного и римско-католического компонентов в пределах именника болгар. Один из компонентов православной составляющей этого взаимодействия рассматривается в этюде «За някои арменски християнски имена в българската антропонимична литература».

Содержание работ второго раздела сборника свидетельствует о том, что проф. Селимски разработал эффективную методику анализа именников тех территорий, которые характеризуются языковой пестротой и конфессиональной неоднородностью, порождающими интерференциальные яв-

ления различной природы и интенсивности. В этом плане нельзя не отметить исследование «Mniejszości narodowościowe i konfesyjne oraz grupy etniczne w Bułgarii (Pod względem imiennictwa osobowego)». Исходной точкой классификации и интерпретации фактов выступает носитель имени, причисляющий себя сам к определенному этносу и определенной конфессии. Данный социолингвистический подход позволяет избежать смешивания языковой, этнической и конфессиональной составляющих восприятия и соответственно анализа личных имен. Анализируется состав имен в каждой отдельной этнической группе, которая в свою очередь рассматривается через призму конфессиональной принадлежности носителей имен. Это дает возможность выявить реальное этно-конфессиональное расслоение именника в пределах его целостности. Данная и другие работы Л. Селимски показывают и доказывают методологическую важность и необходимость четко-

го разграничения понятий “состав именника этноса”, “состав имен, возникших в пределах этнического языка”, “состав именника конфессиональной группы”.

Работы проф. Селимски позволяют говорить о сохраняющемся высоком исследовательском потенциале принципа понимания синхронии как одного из моментов в развитии языка, обнаруживающего сосуществование разновременных по образованию элементов. Творчески применяя идеи И.А. Бодуэна де Куртенэ, представителей Пражской школы, учитывая богатый опыт этимологических и ономастических исследований в советском и славянском языковедении, Л. Селимски не только глубоко и всесторонне анализирует современное состояние именника болгар, но и намечает разнообразные перспективы его дальнейшего изучения. Вместе с тем его работы представляют собой реальный и существенный вклад в процесс создания типологической славянской ономастики.